

УДК: 821.161.1.0

А. Н. Кошечко

ЦЕННОСТНЫЕ ПАРАДИГМЫ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА И РОМАНТИЗМА В ГЕНЕЗИСЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ДОСТОЕВСКОГО: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ МЕТОДА

Представлен анализ одного из аспектов формирования экзистенциального сознания Ф. М. Достоевского – влияние аксиологических систем сентиментализма и романтизма на становление художественного метода писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, автор, экзистенциальное сознание, сентиментализм, романтизм, художественный метод, «фантастический реализм», аксиология, рефлексия, В. А. Жуковский, «Преступление и наказание».

Важность русской и европейской литературной традиции в формировании экзистенциального сознания Достоевского представляет собой своеобразный фундамент, основу творчества писателя. В данном случае речь идет не о проблеме контекста формирования творческого метода писателя как некой самодостаточной литературоведческой величины, а о целой системе аксиологических взаимодействий сознания писателя с ценностными мирами своих предшественников, для которых рассмотрение вопроса о человеке, его судьбе, борьбе чувств (по сути, *pro et contra*) обрело свои способы анализа и текстуальной репрезентации.

Особое значение в процессе генезиса экзистенциального сознания Достоевского имеет литература двух направлений, предельно близких писателю по духовным и мировоззренческим смыслам (на это указывают рефлексии Достоевского в письмах, «Дневнике писателя», публичных выступлениях, цитаты и аллюзии на произведения Жуковского и др., символические и образные параллели в романах), – сентиментализма и романтизма.

Близость творческих исканий Достоевского с литературой первой трети XIX в. обусловлена особенностью литературного процесса в России: «В истории русской литературы и культуры закономерно встречались сходные, повторяющиеся (по своему нравственно-философскому содержанию) периоды. Первую и последнюю треть XIX в. объединяла необычайно возросшая потребность в процессе, интегрирующем, восстанавливающим органическую целостность бытия, потребность осуществить то, чего не могли достичь ни немецкая классическая философия, ни материализм Фейербаха» [1, с. 21]. В то же время контекст современной писателю пореформенной эпохи, времени кризиса, социальных катаклизмов делали поиск интегрирующего начала нации более напряженным, идеологически заостренным.

«Повышенный интерес к проблеме нравственного самоопределения человека», «активная авторская позиция, выразившаяся в сложном тоне повествования», «тонкий и тщательный психологиче-

ский анализ, развернутый на самом обыденном материале» [2, с. 7] – эти качества таланта Достоевского, обозначенные Белинским и Майковым в критических отзывах о романе «Бедные люди», актуализируют постановку вопроса о генезисе экзистенциального сознания Достоевского как феномена эстетической реальности, который формировался в контексте «сентиментального натурализма» (А. А. Григорьев) и уникальной модели русского романтизма, которые в период формирования творческой индивидуальности писателя активно взаимодействовали в литературном процессе эпохи. Сближало их при всей разности философско-идеологических и программно-эстетических оснований внимание к духовной жизни человека, динамике его внутреннего мира, раскрывающейся в опыте повседневного существования. Общечеловеческий характер поставленных проблем обеспечивался исследованием аксиологических оснований человеческой личности (чувствительность, жизнь сердца – в сентиментализме, свобода и устремление в сферу идеала – в романтизме).

Закономерно, что в своих поисках адекватных форм воплощения сложной динамической природы экзистенциального сознания в слове Достоевский в своем художественном методе синтетически соединяет традиции сентиментализма, романтизма, «натуральной школы», причем процесс синтеза эстетических установок именно этих направлений обусловлен переходной спецификой «пореформенной эпохи» 1830 – начала 1840-х гг. «от идеализма, через постижение диалектики, к материализму, от романтического художественного мышления к реалистическому» [2, с. 16].

Особую роль в исследовании вопроса о генезисе форм экзистенциального сознания играет изучение связей творчества Достоевского и Жуковского, которые все чаще оказываются в фокусе исследовательского интереса [3–7]. Как показывает анализ работ ученых, их интересовал преимущественно содержательный и эстетико-философский аспекты взаимодействия (цитаты, текстовые параллели, нравственно-философские проблемы и т. д.),

в то время как вопросы влияния фундаментальных движений русской литературы на формирование экзистенциального сознания Достоевского, на поиск форм его художественного воплощения до настоящего момента остается неизученным.

Все творчество Ф. М. Достоевского отмечено глубоким интересом к личности и поэзии Жуковского [2, 8, 9]. Настойчивое обращение романиста к сюжетам, мотивам и образам баллад Жуковского являлось следствием близости нравственно-философских и эстетических позиций писателей. «В основе близости лежала необычайно чуткая художественная восприимчивость Достоевского к особому качеству романтизма Жуковского, сочетавшего в себе глубочайшую заинтересованность в индивидуальной, неповторимой природе каждой личности и одновременно обостренное ощущение причастности этой личности к общему миру людей. Достоевского притягивала к Жуковскому ярко выраженная концепция двоемирия, глубина нравственно-религиозного осмысления мира, роднившая поэта с европейскими и отечественными романтиками» [10, с. 81].

В статье «Жуковский и романтизм» (1852) М. М. Достоевский, говоря о влиянии поэзии Жуковского на образованное сословие целого поколения, к которому принадлежали братья Достоевские, отмечает как важнейшую черту поэта его «сильную любовь к жизни»: «При всем своем мистицизме, при всей неопределенности стремлений от всего земного, материального к чему-то высшему и лучшему, при всем недовольстве земными благами, тщетою величия, славы и счастья, при постоянном оплакивании несовершенств сей жизни, в поэзии Жуковского везде видна сильная любовь к этой самой жизни...» [11, с. 36]¹.

В рамках настоящего исследования мы не претендуем на исчерпывающее описание всех возможных способов взаимодействия творческого сознания Достоевского с произведениями Жуковского и других представителей русского романтизма, поскольку для нас важен вполне конкретный ракурс этой проблемы: какие содержательные и художественные потенции русской литературы первой трети XIX в. стали катализатором экзистенциальных поисков Достоевского как в плане проблемного содержания, так и в плане творческого инструментария, позволяющего моделировать принципиально новую, динамичную, меняющуюся на глазах реальность, осмыслять принципы поведения личности в пограничной ситуации и описывать адекватным для этих индивидуально-психологических состояний языком.

Анализ проблемного поля показывает целый спектр экзистенциальной проблематики, намеченной в литературе романтизма и получающей целостное развертывание в художественной практике Достоевского:

1. Проблема красоты, осмыслявшаяся Достоевским не только как эстетический, но и пространственный феномен (красота – состояние единения, контакта с миром), имеет глубинную укорененность в русской культуре. Красота мыслилась как гармоничное равновесие разнонаправленных начал в человеке, как сила, способная совершенствовать человека. В своих эстетических манифестах, начиная с Жуковского, русские поэты и писатели определяли красоту как универсальную категорию, лежащую в основе мироздания, высший идеал, постоянное стремление к которому определяет жизненный путь человека. Отсюда в русской литературе типы «положительно прекрасных» людей, которые «взяты всецело из народного духа» [12, с. 87].

2. Мотив обретения души как цель жизненного пути героев, идеологических конфликтов и пространственных перемещений героев сближает романы Достоевского с творчеством Жуковского, являющегося основоположником данной проблемы на русской почве (например, возможно сопоставление сюжетных линий Настасьи Филипповны и Ундины в аспекте обретения души). Внимание романтического поэта к таинственным глубинам человеческой души определяло и специфику его творческого метода – «примат интуиции над рациональными методами постижения человека» [1, с. 14]. Этим определяется универсальность образов, которые становятся выражением стихии души (море – у Жуковского, огонь – у Достоевского); символическая многоплановость картины мира.

Проиллюстрируем это положение анализом конкретного текстового материала.

Мотив обретения души является отличительной особенностью творческого наследия Достоевского, начиная с первых его произведений. В романе «Бедные люди» в образе Макара Девушкина мы наблюдаем напряженный процесс поиска собственного слова, стиля («Да нет же, я буду писать, да и вы-то пишите... А то у меня и слог теперь формируется» [13, т. 1, с. 108]), что является тождественным представлению о душе как символе творящего божества, реализующего себя через слово. В «Записках из мертвого дома» обретение души становится синонимом воскресения из мертвых, свободы: «Свобода, новая жизнь, воскресение из мертвых... Экая славная минута!» Достоевский далек от представления о гармоническом завершении данного процесса. В «Двойнике» он дает нам трагический исход человека, в котором стремление к обретению души оборачивается безумием.

¹ Подробнее об этом см. в источнике [7].

Пространство Петербурга, «фантастический город» вызывает к жизни двойника, который становится символом бездуховности, с которой пытается бороться Голядкин. Гибель героя знаменует завершение процесса обретения души: легче уничтожить разум человека, чем его душу.

Роман «Преступление и наказание» становится важной вехой в осмыслении мотива обретения души. Роман условно делится на две части: 1) поиск и воплощение идеи; 2) воскресение и обретение души. Каждый из героев проходит эти этапы. Путь Раскольникова мы наблюдаем с момента зарождения идеи, ее реализации, болезни, душевного омертвления, покаяния и воскресения, пути других героев даны через воспоминания, диалоги (Соня, Катерина Ивановна, Мармеладов, Свидригайлов и др.). Нравственные поиски героев соответствуют у Достоевского стратегии пространственных перемещений. Герои романа движутся в пределах идеологического пространства и времени, которые определяют ритм их жизни, характер поступков. Петербург становится катализатором идеологического поиска. Пространство тесно связано с переживаниями героев, становится их идеологическим двойником. Пространственные перемещения героев в романе направлены на преодоление пространственной (герой стремится выйти за пределы «душного» города) и, как следствие, идеологической ограниченности, на обретение души.

Поиск и воплощение идеи Раскольниковым композиционно закреплены в первой части романа. Одержимость идеей, исключенность из окружающей реальности, жизнь в субъективно переживаемом пространстве (Петербурге) провоцирует его на исполнение своего замысла через «случайные» встречи (девочка на бульваре, Лизавета). Герой ощущает свою беспомощность: преодолеть замкнутый круг идеологического пространства можно, либо воплотив идею в жизнь, либо выбрав другую идею, другое идеологическое пространство (например, идея Мармеладова о всепрощении и смирении).

Событийная схема сказки (отлучка, путешествие, возвращение героя, искупление, воссоединение с родом и награда), лежащая в основе хронотоп романа, воплотила в себе архаический обряд инициации, итогом которого становилось обретение души. Важнейшим элементом данного обряда являлось путешествие в царство мертвых, сопровождавшееся физическим переживанием смерти. Раскольников проходит испытание смертью: его болезнь после совершения преступления становится аналогом перехода в небытие, а выздоровление – началом поиска души. Важны в данном аспекте встречи Раскольникова и Сони. С точки

зрения архаической модели, Соня находится в точке воссоединения с родом, она прошла мучительный процесс обретения души. Восклицание героини «Что ж бы я без Бога-то была?» – квинтэссенция цели и смысла ее существования: вера дарует человеку душу, вписывает его в контекст мироздания. Евангельская легенда о воскресении Лазаря становится притчей о рождении души, обязательным условием которого становится страдание.

Другим вариантом обретения души является путь Катерины Ивановны в романе. Ее сумасшествие становится способом противостояния миру разума, физического унижения. Душа не может примириться с бесчеловечностью окружающего мира и видит единственный выход – отказ от разума, который способен все объяснить и оправдать. Трагическая раздвоенность человека, его тяготение одновременно к полюсу разума и к полюсу души становится катастрофой космического масштаба (не случайно Катерина Ивановна умирает на улицах Петербурга). Реакцией души на боль мира становится либо стремление облегчить эту боль, примирить душу и разум (Соня), либо сумасшествие, которое позволяет жить жизнью души в физической оболочке (Катерина Ивановна), либо смерть.

Последний, кардинальный, выход демонстрируют в романе Мармеладов и Свидригайлов. Монолог Мармеладова в трактире обнаруживает в нем при всей внешней, социальной униженности напряженную жизнь души. Поэтому смерть для Мармеладова становится окончательным выходом в сферу духа. Несчастный случай лишает жизни Мармеладова, сообщает его смерти мученический колорит, дарует облегчение от страданий. В то же время Свидригайлов совершает самоубийство, убивает себя, свою душу, которая заставляет страдать. Самоубийство – желание убить свои страдания, муки совести, добровольный отказ от обретенной души как желанного, но мучительного дара.

3. Разрыв героя с миром, отпадение от национальных корней, проявляющаяся в романах Достоевского через оторванность героев от родительского дома, отсутствие пространственной укорененности в мире, во многом вырастают из пушкинской традиции², «Петербургских повестей» Гоголя и продолжают свое развитие в «Господах Головлевых» Салтыкова-Щедрина и т. д.

² Пушкину удалось в своем творчестве изобразить «отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого... отрицающего, делить с другими не желающего и искренне страдающего... великую надежду, что болезнь эта не смертельна и что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть, если присоединится к правде народной» [13, с. 86–87].

4. «Изумляющая полнота перевоплощения» [12, с. 88], восприимчивость к культуре других стран и народов, установка на синтез различных стилевых тенденций в пространственной картине мира романов Достоевского является отличительной чертой русской литературы XIX в. Как и Пушкина, обладавшего уникальной способностью отзываться на поэтические произведения всех народов, творчески улавливать их художественное очарование, Достоевского отличала огромная культурно-историческая эрудиция, позволявшая ему «при строгом соблюдении исторического колорита и деталей изображаемой эпохи русской жизни – наполнить каждое свое произведение воздухом истории, придав ему черты той величайшей внутренней емкости и предельной обобщенности, который свойствен античной и христианской литературе, а также величайшим произведениям других эпох» [14, с. 24]. Г. М. Фридлендер отмечает, что эта способность Достоевского делает его персонажей «премниками всей человеческой истории – от ветхозаветных книг до эпохи Толстого, Флобера» [14, с. 24]. Причем эта черта творчества Достоевского определяет не только и не столько особенности стиля писателя – она формирует пространственную поэтику его произведений, многозначность пространственных образов романов Пятикнижия.

5. Из всего вышесказанного закономерно вытекает вопрос об особом статусе слова в русской литературной традиции: слово – не просто звук и знак, но «драгоценная сакральная субстанция» [15, с. 68]. Это определяет тщательность и требовательность к себе в процессе работы со словом как способом вербализации экзистенциальных смыслов. По воспоминаниям супруги писателя А. Г. Достоевской, неоднократно бывшей свидетелем этого процесса, он «всегда был чрезмерно строг к самому себе и редко что из его произведений находило у него похвалу. Идеями своих романов Федор Михайлович иногда восторгался, любил и долго их вынашивал в своем уме, но воплощением их в своих произведениях почти всегда, за очень редкими исключениями, был недоволен» [16, с. 190].

Все сказанное выше отсылает нас к ключевой проблеме художественного мира Достоевского – проблеме человека, которая находит свое воплощение в новой эстетической системе писателя. Основным вектором этой проблемы является поиск способов изображения природы человека в искусстве, характера его детерминированности, уникальных антропологических моделей, отражающих специфики экзистенциального сознания как самого автора, так и его героев.

Еще ранний Достоевский, утверждающий, что «человек есть тайна, и ее нужно разгадывать»,

в числе произведений, оказавших на него глубокое впечатление, называет «Ундину», в которой получила достаточно полное воплощение глубинная идея «невыразимого». В этом «исповедании веры» Жуковского ставится вопрос о возможности поэтическим языком выразить отношение человека к высшему наличному Божественному началу: «Сие к далекому стремленье», «Сия сходящая святыня с вышины, // Сие присутствие Создателя в сознанье – // Какой для них язык? (курсив мой. – А. К.)».

Фактически в этом размышлении мы видим постановку проблемы слова, способного выразить во временном, человеческом вечное, надличное, трансперсональное. В. Н. Топоров, говоря о высочайшей миссии слова в русской культуре, указывает на уникальную способность текстов русских писателей передавать высшие смыслы, отсылать к премудрости Божией, которая «узревается скорее чувством или душой, сердцем – органом для восприятия горнего мира» [17, с. 66]. Источником этой способности является фундаментальная духовная ориентация на ценности православной культуры в ее отношении к Слову как проявлению премудрости Божией; пониманию сердца человеческого как духовного феномена, своеобразного инструмента духовного постижения Истины через Слово. Эта способность может служить и комментарием к «Невыразимому» Жуковского. Главная сложность поэтического творчества, по Жуковскому, – потребность выразить присутствие Бога в слове-откровении («Сие присутствие Создателя в сознанье»).

Это определило основу поэтики Жуковского и в полной мере проявилось в «Ундине», отмеченной Достоевским как одно из самых любимых им произведений русского романтика. Бытовая прозаическая повесть Ф. де Ламот-Фуке под пером Жуковского превращается в философскую повесть с ярко выраженным притчево-символическим началом. Воплощение характера Ундины с момента ее прихода к людям дается через этапы жизни ее души. Душа здесь – это мифологема, символ невыразимого настроения, созданный особой системой интонирования. Поэт окружает Ундину таинственным, Божественным ореолом. Он возводит сказочное начало к мифопоэтическому архетипу спасения Божественного младенца. Поздний Жуковский видит в основе сакрально-притчевого текста суть главной для него проблемы инициации – пафос жизнестроения. «Христианство, – говорит Жуковский, – открыло нам глубины нашей души». Это – главное в «Ундине», и, нужно полагать, именно это было принципиально дорого Достоевскому. Не случайно тексты Достоевского буквально напитаны поэтическими образами и реминисценциями из стихотворений Жуковского.

В этом проявляется глубинная связь Достоевского с романтизмом: при всем энциклопедизме своих познаний о текущей действительности, при всей тщательности исследования человека в «пограничной ситуации», величайшего нравственно-го и экономического потрясения в России и Европе, Достоевский главный акцент делает на абсолютных вневременных ценностях. Не отрицая причинно-следственного метода познания человека, но решительно отталкиваясь от него, Достоевский приходит к пониманию той доминанты личности, которая проявляется через непосредственное общение человека с трансцендентным миром (у Достоевского всегда формой репрезентации сверхличного начала является Бог). Глубоко трактует в этом смысле понимание Бога как универсальную структуру сознания М. Мамардашвили: «Это некая точка непосредственного поверх и поперек линейно протянутого мира, замкнутая на индивида. Связь между Богом и человеком устанавливается через внутреннее Слово» [18, с. 56].

Преодоление причинно-следственных путей в объяснении человека, которое пришло вместе с религией, сулило искусству и науке о литературе радикальное обновление поэтики, новые открытия, особую пространственно-временную организацию произведения, когда линейное, циклическое, дискретное время синтезируется в универсальное художественное время, сакральное в своей сущности. Это определило новый психологизм с его ориентацией на внутреннее слово, предельно расширяя этическое пространство образа и произведения в целом.

Глубинная суть поэтики романов Пятикнижия – опровержение принципа абсолютизации социаль-

но-исторической детерминированности человека, опровержения теории «среды» как решающего фактора психики человека (антропология). В этом главная эстетическая идея образов всех важнейших героев романов Пятикнижия. В «Преступлении и наказании» эта фундаментальная идея реализма Достоевского выражена предельно четко. Например, в словах Разумихина: «<...> все у них потому, что "среда заела", – и ничего больше! <...> Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается! <...> Живая душа жизни требует, <...> живая душа подозрительна <...> С одной логикой нельзя через натуру перескочить! Логика предугадывает три случая, а их миллион» [13, т. 6, с. 196–197].

Понять логику фантастического реализма Достоевского невозможно вне его христианских воззрений. Черты национальной ментальности, отраженной в творчестве Достоевского, позволяют поставить вопрос об уникально-авторской черте экзистенциального сознания писателя, проявляющей себя в метафизическом поле его произведений через синтез религиозного и экзистенциального начал. Мировоззренческая и художественная система Достоевского была христоцентрической и антропоцентрической одновременно. А человек у Достоевского определяется и сознает себя не только в отношении к Богу, но и к Бытию как к всеобщему процессу существования: «Экзистенциальное кризисное переживание бытия человека в мире предшествует у Достоевского опыту глубокой религиозной жизни, становится исходной точкой духовного роста, необходимым этапом на духовном пути, вырывая личность из привычного течения жизни и заставляя ее искать новые внутренние ориентиры» [19, с. 27].

Список литературы

1. Канунова Ф. З., Айзикова И. А. О соотношении религиозного и художественного сознания в русской литературе 30–40-х годов (Жуковский и Гоголь) / Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
2. Жилиякова Э. М. Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского. Томск: Изд-во ТГУ, 1989. 272 с.
3. Канунова Ф. З. Некоторые проблемы преподавания творчества Ф. М. Достоевского: общий курс по истории русской литературы XIX в. III часть // Достоевский и время: сб. статей / ред. Е. Г. Новиковой, А. А. Казакова. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 9–16.
4. Янушкевич А. С. В. А. Жуковский в мире Достоевского // Достоевский и время: сб. статей / ред. Е. Г. Новиковой, А. А. Казакова. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 74–80.
5. Жилиякова Э. М. Поэтика «невъразимого» в романе «Идиот»: Ф. М. Достоевский и В. А. Жуковский // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы: межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1999. С. 47–59.
6. Новикова Е. Г. «Все такой же последний из романтиков»: статья М. М. Достоевского «Жуковский и романтизм» // Жуковский: исследования и материалы / гл. ред. А. С. Янушкевич. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. Вып. 2. С. 262–290.
7. Кунильский А. Е. Отражение творчества и личности В. А. Жуковского в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Вестн. Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. 2008. Вып. 8. Филологические науки. С. 68–71.
8. Манн Ю. В. «Боль о человеке» // Достоевский Ф. М. Белые ночи. М., 1986. С. 8–13.
9. Фомичев С. А. «Рыцарь бедный» в романе «Идиот» // Пушкин и Достоевский. Новгород Великий; Старая Русса, 1998. С. 101–103.

10. Жилиякова Э. М. «Светлана» В. А. Жуковского в художественном мире Ф. М. Достоевского // Достоевский и время: сб. статей / ред. Е. Г. Новиковой, А. А. Казакова. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. С. 81–94.
11. Достоевский М. М. Жуковский и романтизм // Пантеон. СПб., 1852. Т. 3, кн. 6.
12. Достоевский Ф. М. Пушкин // А. С. Пушкин: путь к Православию. М.: Отчий дом, 1999. С. 86–113.
13. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.
14. Фридлиндер Г. М. Творческий процесс Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. Т. 12. С. 5–42.
15. Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры // Контекст: литературно-критические исследования. М., 1990.
16. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 560 с.
17. Топоров В. Н. Святость и русские святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995.
18. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М., 1993.
19. Кошечко А. Н. Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 23–31.

Кошечко А. Н., кандидат филологических наук, доцент, докторант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: Nastyk78@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14.05.2014.

A. N. Koshechko

VALUABLE PARADIGMS OF SENTIMENTALISM AND ROMANTICISM IN GENESIS OF EXISTENTIAL CONSCIOUSNESS OF DOSTOYEVSKY: TO THE QUESTION OF METHOD FORMATION

The article presents the analysis of one of aspects of formation of existential consciousness of F. M. Dostoyevsky – the influences of axiological systems of sentimentalism and romanticism on formation of an art method of the writer.

Key words: *F. M. Dostoyevsky, author, existential consciousness, sentimentalism, romanticism, art method, "fantastic realism", axiology, reflection, V. A. Zhukovsky, "Crime and punishment".*

References

1. Kanunova F. Z., Ayzikova I. A. *About a ratio of religious and art consciousness in the Russian literature of the 30–40th years (Zhukovsky and Gogol). Moral and esthetic searches of the Russian romanticism and religion (the 1820–1840-th)*. Novosibirsk, The Siberian chronograph Publ., 2001 (in Russian).
2. Zhilyakova E. M. *Traditions of sentimentalism in early Dostoyevsky's creativity*. Tomsk: TGU Publ., 1989. 272 p. (in Russian).
3. Kanunova F. Z. *Some problems of teaching of creativity of F. M. Dostoyevsky, the general course on stories of the Russian literature of the XIX century, the III part. Dostoyevsky and time: Collection of articles*. Edition of E. G. Novikova, A. A. Kazakov. Tomsk: TGU Publ., 2004. Pp. 9–16 (in Russian).
4. Yanushkevich A. S. V. A. *Zhukovsky in Dostoyevsky's world. Dostoyevsky and time: Collection of articles*. Edition of E. G. Novikova, A. A. Kazakov. Tomsk, TGU Publ., 2004. Pp. 74–80 (in Russian).
5. Zhilyakova E. M. *Poetika "inexpressible" in the novel "Idiot": F. M. Dostoyevsky and V. A. Zhukovsky. Dostoyevsky's Novel "Idiot": Thoughts, problems*. Interuniversity collection of scientific works. Ivanovo, 1999. Pp. 47–59 (in Russian).
6. Novikova E. G. *"All same the last from romantics": M. M. Dostoyevsky's article "Zhukovsky and romanticism"*. Zhukovsky: Researches and materials, hl. edition A. S. Yanushkevich. Tomsk, Tomsk University Publ., 2013. Vol. 2. Pp. 262–290 (in Russian).
7. Kunilsky A. E. *Reflection of creativity and identity of V. A. Zhukovsky in F. M. Dostoyevsky's novel "Idiot"*. *The Messenger of the Baltic Federal University of I. Kant*. 2008. Vol. 8. Philological sciences. Pp. 68–71 (in Russian).
8. Mann Yu. V. *"Pain about the person". Dostoyevsky F. M. White nights*. М., 1986. Pp. 8–13 (in Russian).
9. Fomichev S. A. *"The knight poor" in the novel "Idiot". Pushkin and Dostoyevsky*. Novgorod Great; Staraya Russa, 1998. Pp. 101–103 (in Russian).
10. Zhilyakova E. M. *"Svetlana" of V. A. Zhukovsky in F. M. Dostoyevsky's art world. Dostoyevsky and time: Collection of articles*. Edition of E. G. Novikova, A. A. Kazakov. Tomsk, TGU Publ., 2004. Pp. 81–94 (in Russian).
11. Dostoyevsky M. M. *Zhukovsky and romanticism*. Pantheon. Saint Petersburg, 1852. Т. 3, b. 6 (in Russian).
12. Dostoyevsky F. M. *Pushkin. A. S. Pushkin: way to Orthodoxy*. Moscow, Native home Publ., 1999. Pp. 86–113 (in Russian).

13. Dostoevsky F. M. Complete works: In 30 t. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986.
14. Friedlander G. M. Tvorchesky Dostoyevsky's process. Dostoyevsky: Materials and researches. Saint Petersburg, Publishing house "Dmitry Bulanin", 1996. Vol. 12. Pp. 5–42 (in Russian).
15. Averintsev S. S. *Christianization of Kievan Rus' and way of the Russian culture*. Context: Literary and critical researches. Moscow, 1990 (in Russian).
16. *Reminiscence* A. G. Dostoevskaya. Moscow, Truth Publ., 1987. 560 p. (in Russian).
17. Toporov V. N. *Svyatost's axes and Russians sacred in the Russian spiritual culture*. T. 1. Moscow, 1995 (in Russian).
18. Mamardashvili M. K. *Cartesian reflections*. Moscow, 1993 (in Russian).
19. Koshechko A. N. Dostoyevsky and apostasiya: to a question of attributive characteristics of existential consciousness. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, no. 11 (139), pp. 23–31 (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: Nastyk78@mail.ru